

С.В. Ешевский

Сочинения

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.В. Ешевский**
Сочинения: Часть 2 / С.В. Ешевский – М.: Книга по Требованию, 2014. –
618 с.

ISBN 978-5-518-10502-7

ISBN 978-5-518-10502-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Было принято начинать исторію средних вѣковъ съ 476 г., такъ называемымъ паденіемъ Западной Римской имперіи. Теперь это обыкновеніе сохранилось развѣ въ немногихъ учебникахъ. Сверженіе Ромула-Августа такой ничтожный фактъ, что его едва замѣтитъ всякій сколько-нибудь серьезно занимающійся исторіей. Было бы смѣшно принимать его за черту, разграничивающую двѣ великія эпохи человечества, два міра, столь непохожіе другъ на друга и столь своеобразные. Сверхъ того, невозможно тѣмъ или другимъ годомъ обозначить такой великій переворотъ, который совершился въ концѣ исторіи древней и въ началѣ новой. И если уже нужно хронологически обозначить грань, отдѣляющую исторію древности отъ исторіи новой Европы, то эту грань приличнѣе принять первое столѣтіе нашей эры. Христіанство и варвары—вотъ два всемірно-историческія явленія, положившія конецъ античному міру; но христіанство только слишкомъ черезъ три столѣтія освободилось отъ преслѣдованій, и только въ концѣ V-го вѣка варварскій вождь презрительно свелъ съ престола послѣдняго представителя имперіи Августа. Такіе великіе перевороты, каково было паденіе Римской имперіи, не совершаются минуто. Кроме того, говоря о паденіи Западной Римской имперіи, мы

напрасно будемъ понимать его въ настоящемъ значеніи этого слова, т. е. какъ что-то быстрое, неожиданное, эффектное. Напротивъ, сверженіе Ромула-Августула не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія даже на современниковъ. Оно совершилось незамѣтно, не отозвалось ничѣмъ въ понятіи и воображеніи очевидцевъ; нѣсколько словъ, сказанныхъ мимоходомъ хроникеромъ — вотъ все, что осталось о немъ для потомства. Современное общество было слишкомъ занято болѣе близкими, болѣе важными и существенными для него интересами, чтобы обратить какое-нибудь вниманіе на жалкую роль и горькую судьбу послѣдняго западнаго римскаго императора.

Дѣло въ томъ, что Римская имперія фактически перестала существовать въ прежнемъ ея значеніи задолго до сверженія послѣдняго номинальнаго ея представителя, и основатель имперіи, великій Августъ, перенесенный чудомъ въ Римъ V-го вѣка, не призналъ бы въ немъ ни одной черты прежняго, ему знакомаго Рима, — того города, понятіе о которомъ сливалось когда-то у его гражданъ съ понятіемъ о вселенной. Мало того, самая эта имперія была отрицаніемъ началъ и формъ античной жизни и въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи заходила все далѣе и далѣе въ этомъ отрицаніи. Если Августъ, съ свойственнымъ ему лицемѣріемъ, заботливо хранилъ всю внѣшность политическихъ формъ прежней республики и довольствовался сосредоточеніемъ въ своихъ рукахъ всей дѣйствительной власти, если, при всемъ разгулѣ безграничнаго самовластия и часто дикаго произвола его преемниковъ, формы древней республики, лишеной всякаго смысла и значенія, еще оставались, то Септимій Северъ, уже не скрываясь, не лицемѣря, провозгласилъ военную диктатуру. «Ласкайте солдатъ, говорилъ онъ своимъ сыновьямъ, и смѣйтесь надъ всѣмъ остальнымъ!» При Діоклетіанѣ лице императора стало на недостижимую высоту надъ прочими смертными, получило священный, божественный

характеръ. Императоръ сѣлался «господиномъ» (*Dominus*); его называли «вѣчностью» (*aeternitas*), «величіемъ» (*majestas*). Все, что его окружало, было священнымъ; его комнаты—*sacrum cubiculum*, его сокровища—*sacrae largitiones*. Своимъ поданнымъ онъ являлся, сидя на тронѣ, въ бѣлой діадемѣ, устѣянной драгоценными каменьями. Ничего подобнаго не знали ни древняя Греція, ни древній Римъ; все это было несовмѣстно съ греко-языческою цивилизаціею, было ея полнѣйшимъ отрицаніемъ. Если мы заботливо станемъ отыскивать на этихъ формахъ императорской власти слѣдовъ вліянія древняго міра, то должны будемъ признать, что единственное вліяніе возможно было только со стороны древняго Востока, къ формамъ быта котораго такъ нетерпимо и такъ враждебно относился древній Грекъ или Римлянинъ. Въ то же время само государство принимало совершенно новый характеръ. Въ древности оно основывалось если не на родовой, то на племенной исключительности. Въ Римѣ только патриціи, члены извѣстнаго числа родовъ, были полноправными гражданами, не смотря на то, что многіе изъ плебеевъ не уступали имъ ни въ древности или знатности происхожденія (между плебеями были царскіе роды), ни въ богатствѣ или образованіи. Потомъ, когда путемъ вѣковой борьбы плебенъ сравнялись съ патриціями, то же отношеніе установилось между Римлянами и однокровнымъ, одноязычнымъ, однороднымъ населеніемъ Италіи. Нужны были кровопролитныя союзническія войны, чтобы доставить Италікамъ извѣстную равноправность съ гражданами самого Рима. Но вотъ, съ появленіемъ имперіи начинается крутой поворотъ и въ этомъ отношеніи, который совершается даже быстрее, чѣмъ отрицаніе государственныхъ формъ древности. Правда, Августъ уничтожилъ продажу права римскаго гражданства провинціаламъ, лишилъ этого права множество лицъ, пріобрѣтшихъ его незаконнымъ путемъ, и произнесъ громкую

фразу, что онъ скорѣе готовъ уменьшить сокровища, чѣмъ честь Рима. Правда, трижды въ свое правленіе онъ производилъ переписи римскихъ гражданъ. Но при томъ же Августѣ Римъ впервые увидѣлъ триумфальный вѣздъ въ Капитолій Испанца Бальбуса, какъ при Цезарѣ онъ видѣлъ впервые ядлю этого Испанца римскимъ сенаторомъ и консуломъ. Что жѣбра, принятая Августомъ для ограниченія раздачи правъ римскаго гражданства, не имѣла дѣйствительнаго значенія, лучше всего доказываетъ перепись римскихъ гражданъ, произведенная при Клавдіи. Въ 55 лѣтъ, прошедшихъ съ переписи Августа до этого времени, число римскихъ гражданъ, записанныхъ въ цензорскій регистръ, возрасло слишкомъ на 2,800,000, что для общаго числа гражданъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ даетъ около 12,000,000 увеличенія. Тотъ же Клавдій доставилъ знатнѣйшей части Галліи *Comata* право достиженія почестей въ Римѣ и доступъ въ сенатъ ¹⁾). Сенека въ своемъ пасквилѣ на Клавдія заставляетъ говорить одну изъ Паркъ: «Я хотѣла бы оставить пожить нѣсколько

¹⁾ Клавдій далъ право римскаго гражданства именно правительственнымъ агентамъ въ городахъ Волосатой Галліи (*Gallia comata*). Римляне дѣлили все пространство, занимаемое въ Европѣ Галліями, на двѣ главныя части. Одна называлась *Доальпійскою* (*Cisalpinga*), отъ Альпъ до Рубикона: этою вышшею верхнюю Италію, за исключеніемъ Пиемонта, часть Тироля и Крайны, Феррара, Болонья и Романья. Она именовалась также *togata*, *одѣтая въ тогу*, такъ какъ въ ней господствовала введенная туда Римлянами мода носить тогу. Другая часть Галліи называлась *Заальпійскою* (*Transalpinga*). Она обнимала вышшею Францію на востокъ до Рейна и Альпъ. Римляне величали ее также Волосатою! (*comata*), такъ какъ ея жители, въ противоположность съ ними, носили никогда не обстригаемые огромные, взъерошенные волосы. Сверхъ того, южную часть этой Галліи (*Provincia*, потомъ *Gallia Narbonensis* или *Romanica*, нынѣ—Провансъ, Доэвна, Лангедокъ) они называли *braccata*, одѣтая въ порты—оригинальное платье, родъ штановъ, употреблявшееся туземцами и незнакомое Римлянамъ. А. Т.

времени этого человека, чтобы онъ слѣлалъ римскими гражданами небольшое число людей, лишенныхъ этого права. Онъ рѣшился видѣть одѣтыми въ римскую тогу всѣхъ Грековъ, Галловъ, Испанцевъ и Британцевъ; но такъ какъ нужно же оставить на племя хоть немного чужестранцевъ, то я перерѣзываю нить жизни». Знаменитая конституція Каракаллы окончила дѣло Клавдія. По ней всѣ свободные жители имперіи получили право римскаго гражданства. Напрасно стараются объяснить эту либеральную конституцію, изданную однимъ изъ позднѣйшихъ влстителей Рима, одними корыстными побужденіями, однимъ желаніемъ распространить на все свободное населеніе имперіи извѣстные налоги, которые до сихъ поръ платились только римскими гражданами. Можетъ быть, корыстные побужденія и входили въ расчеты Каракаллы, но тѣмъ не менѣе его постановленіе было неизбѣжнымъ, естественнымъ слѣдствіемъ всего предшествовавшаго. Отвратить его ничто не было въ состояніи. Если при первомъ назначеніи Галловъ въ число сенаторовъ, Римлянами овладѣло негодованіе, то скоро этому чувству не было уже мѣста въ Римѣ. Не только кресла въ сенатѣ, но и тронъ императоровъ заняты были людьми не римскаго происхожденія. Критянинъ Нерва первый открылъ иностранцамъ дорогу къ трону. За нимъ одинъ за другимъ всходили на тронъ цезарей: Испанцы (Траянъ, Адрианъ), Африканцы (Альбинъ, Септимій Северъ, Гордіанъ), Сирійцы (Геліогабалъ и Александръ Северъ), Арабы (Филиппъ), а съ Авреліана Галлы и Иллирійцы.

То же отреченіе отъ прежней исключительности мы видимъ во всѣхъ сферахъ. Всѣ религіи древняго міра исповѣдывались въ Римѣ, сливались одна съ другою, и уже при Августѣ въ великомъ Пантеонѣ были соединены изображенія всѣхъ божествъ древняго міра. Только іудейство и христіанство по своей сущности были противны такому обобщенію и слѣдію;

зато только они не находили себѣ мѣста въ римской имперіи, только они подвергались ожесточеннымъ преслѣдованіямъ. То же самое мы видимъ въ римской литературѣ. Какъ въ сенатѣ время имперіи римскіе аристократы все болѣе и болѣе уступали мѣсто провинціаламъ, такъ и здѣсь писатели той или другой римской провинціи постепенно выступаютъ на первый планъ, оттѣняя писателей римскаго, даже итальянскаго происхожденія. Чуждое вліяніе почувствовалось очень сильно еще во времена республики. Какъ и слѣдовало ожидать, прежде всего оно шло изъ Греціи. Цицеронъ такъ говоритъ о вліяніи Эллады: «Это не слабый ручеекъ, притекшій въ сей городъ (Римъ); это—многоводная, огромная рѣка». Первые римскіе писатели, Ливій Андроникъ, Энній, Пакувій, были Греки изъ южной Италіи; Невій былъ Кампанецъ. Затѣмъ слѣдовало вліяніе италійскихъ городовъ. Кремона и Миланъ дали Риму Виргилія, Падуа—Тита Ливія, котораго упрекали за его падуанизмъ, Верона—Витрувія, Гостилія—Корнелія Непота. Берега озера Гарда—самаго граціознаго изъ римскихъ поэтовъ, Катулла. Нарбоннская Галлія, давно уже считавшаяся болѣе Италіей, чѣмъ провинціей, образовала для Рима толпу писателей, изъ которыхъ самыми замѣчательными были: Трогъ Помпей, авторъ перваго опыта общей исторіи, и Петроній, авторъ извѣстнаго «Сатирикона». Чѣмъ далѣе шла Римская имперія въ своемъ развитіи, тѣмъ сильнѣе и очевиднѣе становилось вліяніе провинцій на судьбу римской литературы. Самую исторію этой литературы можно раздѣлять на періоды, отмѣченные исключительнымъ вліяніемъ той или другой провинціи. Первымъ изъ этихъ періодовъ былъ періодъ латиноиспанской литературы. Не надо думать, чтобы этотъ періодъ характеризовался только испанскимъ происхожденіемъ господствующихъ писателей. Напротіивъ, эти писатели вносили особыя приемы, имъ только свойственныя. Особенности писателей

испанскаго происхожденія были давно замѣчены; уже во времена Еннія говаривали: «это значитъ говорить по испански, а не по римски». Цицеронъ упрекалъ кордовскихъ поэтовъ за чрезмѣрную роскошь фигуръ, за напряженность и напыщенность слога, и однако эти недостатки привлекали къ себѣ Римлянъ и увлекали ихъ. Уже во времена Августа въ римскую школу Испанца Латго сходились знатнѣйшіе Римляне, и Овидій, напр., былъ восторженнымъ поклонникомъ испанскаго учителя. Отъ Нерона до Траяна въ Римѣ господствовало испанское направленіе, и лучшіе писатели этой эпохи Испанцы по происхожденію. Достаточно указать на Колумеллу, Помпонія Мелу, Лукана, Сенеку, Сидія Италика, Квинтиліана, Марцелла, Аннея Флора и др. Испанское вліяніе отразилось даже на его противникахъ и на людяхъ не испанскаго происхожденія. Оба Плинія, Ювеналъ, самъ Тацитъ были увлечены имъ. Послѣ испано-латинскаго періода греческое вліяніе еще разъ сказалось съ новою силой при Траянѣ, Адрианѣ и Антонинахъ; но слѣдующій затѣмъ періодъ съ полною справедливостью можетъ быть названъ латино-африканскимъ. Кароагенъ, возобновленный изъ развалинъ Юліемъ Цезаремъ, давно уже сдѣлался центромъ латинской образованности въ Африкѣ, соперникомъ самого Рима. «Небесная муза, Камена людей, носящихъ тогу», таковы были названія, съ которыми къ нему обращались. Латино-африканская школа уже довольно рано оказала свое вліяніе. При Неронѣ знаменитый стоическій философъ, Анней Корнута, другъ Персія и Лукана, родомъ изъ Лептиса, стоялъ въ числѣ римскихъ знаменитостей. При Домиціанѣ не менѣе знаменитъ былъ Африканецъ поэтъ, Септимій Северъ, вѣроятно предокъ императора, къ которому сохранилось посланіе Стація. Знаменитѣйшій изъ африканскихъ писателей былъ Нумидіецъ Фронтонъ, учитель и другъ Марка-Аврелія. Сочиненія Фронтоня не дошли до насъ; но зато мы имѣемъ труды

двухъ другихъ, еще, быть можетъ, болѣе блестящихъ представителей латино-африканской литературы. Особенности этой литературы всего яснѣе, всего замѣтнѣе въ сочиненіяхъ Апулея, которымъ такъ гордилась Африка, и христіанскаго писателя Тертуліана. Если Апулей можетъ служить представителемъ изящности и граціи африканскаго характера, то Тертуліанъ еще рѣзче выражаетъ другую особенность этого характера, силу и неупорядоченное увлеченіе. Особенности характера африканской литературы сохранились неизмѣнно даже у позднѣйшихъ христіанскихъ писателей Африки, у св. Кирилла, Арнобія, Лактанція и бл. Августина. Позднѣйшій періодъ исторіи римской литературы можетъ быть названъ латино-галльскимъ. Галлія, завоеваніе которой такъ дорого стоило Риму, быстро подчинилась его вліянію. Южная Галлія давно уже считалась скорѣе Италіей, чѣмъ провинціей. Также быстро проникло цивилизующее вліяніе Рима и въ другія части этой страны. Въ страстномъ увлеченіи новизною Галлы забыли свой прежній народный языкъ для языка латинскаго, отождествляли свои національныя божества съ римскими и читали ихъ подъ чуждымъ именемъ. Повсюду заводились греческія и римскія школы, скоро достигшія знаменитости во всемъ римскомъ мірѣ. Успѣхи римскаго вліянія были такъ велики, что императоръ Калигула уже устроилъ въ Ліонѣ поэтическое соетизаніе, окруживъ его смѣшными и недѣльными условіями. Но, отдаваясь такъ неупорядоченно латинскому вліянію, Галлы не могли однакоже отречься отъ своего народнаго характера; употребляя всѣ усилія, чтобъ сдѣлаться вполне Римлянами, они оставались Галлами и въ римской тогѣ. Особенности національнаго галльскаго характера отразились въ латинской литературѣ, можетъ быть, еще сильнѣе и замѣтнѣе, чѣмъ народныя особенности Испанцевъ и Африканцевъ. Эти особенности были замѣчены и признаны самими современниками.

Вліяніе Галловъ рано сказалося въ римской литературѣ. Уже въ I вѣкѣ многіе галльскіе и даже бретонскіе ораторы приобрѣли себѣ почетную извѣстность въ самой Италіи. Краснорѣчіе было главнымъ родомъ латино-галльской литературы. Преобладаніе латино-галльскаго элемента въ литературѣ становится особенно замѣтнымъ, господствующимъ со второй половины III вѣка. Въ числѣ извѣстнѣйшихъ галльскихъ ораторовъ этой эпохи едва ли не первое мѣсто занимаютъ лица, покрытыя императорскимъ пурпуромъ, молодой Постумъ и Нумеріанъ. Тотъ и другой славились своими декламаціями; послѣдній, сверхъ того, былъ поэтъ. Въ IV вѣкѣ почти всѣ извѣстнѣйшіе ораторы и падегвирсты были Галлы. Евменъ, два Мамертина, Альцимъ, Агрецій, Назарій, много другихъ, и выше всѣхъ Дрепаній Поватъ. Еще большее число знаменитыхъ профессоровъ мы найдемъ въ многочисленныхъ школахъ Галліи. Почти всѣ поэты послѣдняго времени имперіи были Галлы по происхожденію. Таковы Рутилій Нумаціанъ, Авзоній, Павлинъ и др.

Но нигдѣ яснѣе и полнѣе не выразилось то отрицаніе основъ и принциповъ античной жизни, которымъ была Римская имперія, чѣмъ въ сферѣ права. Древнѣйшее право Квиритовъ, какъ мы знаемъ его изъ законовъ XII таблицъ, было строго фамиліальное. Ни въ одномъ законодательствѣ древнихъ народовъ мы не видимъ такой строгой послѣдовательности. Нигдѣ съ такимъ неумолимымъ ригоризмомъ не было проведено основное начало—отцовская власть и тѣсно соединенное съ нею право мужа надъ женою. Это древнее квиритское право, съ его религіознымъ характеромъ, хранилось въ тайнѣ, окруженное символическими дѣйствіями и формулами. Только патриціи могли знать и толковать его. Но отношенія къ плебеямъ не позволяли оставаться навсегда этому положенію дѣла. Плебей Флавій, секретарь патриціанскаго юриста Аппія Клавдія,

выдалъ эти таинственныя формулы плебеямъ. Законы XII таблицъ вывели патриціанское право изъ области тайнаго знанія въ сферу науки. Съ 387 года, съ знаменитой эпохи допущенія плебеевъ къ должности консула, патриціанское право еще менѣе могло оставаться исключительно собственностью патриціевъ. Поэтому однимъ изъ первыхъ дѣлъ патриціанской общины было установленіе новой должности, доступной только патриціямъ, именно претуры. Обязанностью преторовъ было толковать, дополнять и исправлять гражданское право. Преторъ сталъ живымъ голосомъ закона.

Уже самое это назначеніе претора вело къ ослабленію исключительности древнѣйшаго права. Но было еще обстоятельство, сильно содѣйствовавшее ослабленію и потомъ уничтоженію этой исключительности. Кромѣ тяжбъ между римскими гражданами, суду претора подлежали еще дѣла между римскими гражданами съ одной стороны и иностранцами съ другой, а также и дѣла между иностранцами, находившимися въ Римѣ. Не забудемъ, что слово «иностранецъ» въ древности совсѣмъ не то значило, что теперь. Иностранцемъ въ Римѣ былъ всякій подданный Рима, не пользовавшійся правомъ полнаго римскаго гражданства. Иностранецъ былъ въ глазахъ Рима и Латинъ, и Италианецъ, и провинціалъ. Съ расширеніемъ могущества Рима число такихъ иностранцевъ въ Римѣ становилось огромнымъ. Претуру пришлось раздѣлить на-двое; новый преторъ, *praetor peregrinus*, назначенъ былъ собственно для разбора дѣлъ между иностранцами. Въ исторіи римскаго права это фактъ необыкновенной важности. Преторъ иностранцевъ, очевидно, не могъ судить иностранцевъ по ихъ собственнымъ законамъ. Къ его трибунѣ стекались люди всѣхъ націй, всѣхъ провинцій, и представители высшей цивилизаціи, и почти варвары. Знать всѣ безчисленные законы иностранцевъ было немислимо, и преторъ иностранцевъ самъ создавалъ законъ, по